

Сергей ИВАНОВ

г. Москва

Лачуга должника

О духовном содержании фантастики Вадима Шефнера

Все мы чувствуем тоску по цельному человеку, по той целомудренной личности, которая была не только идеалом, но и реальностью еще в восемнадцатом, и даже в девятнадцатом, веке. Примером служит гений Ломоносова, не разделявшего красоту и пользу, службу и поэзию, думавшего над вопросами церковной жизни (хотя и с достаточно оригинальной точки зрения) и технологии окраски стекла. Нам, воспитанным в советской или либеральной школе, трудно вообразить, что «западник» Петр Великий пел в церковном хоре, а профессиональный моряк адмирал Ушаков вел напряженную молитвенную жизнь. Однако и сейчас надежда на восстановление целостности русской культуры не пропала безвозвратно. Само множество исторических примеров живого и органичного соединения светской и церковной культуры укрепляет эту надежду.

Особенно сложными являются противоречивые отношения духовного и эмоционально-чувственного опыта. И тот и другой опыт нашли свое отражение в печатном тексте. Духовные категории бытия освещает церковная, богословская литература, художественная же повествует прежде всего о душевной жизни человека. Однако есть особый литературный жанр, который в наглядно-чувственных образах рассуждает о фундаментальных философских категориях бытия: природе времени и пространства, жизни и смерти, о творении, начале и конце мира. Этот жанр – научно-фантастическая (и шире – просто фантастическая) литература.

Правда, духовный мир изображается в произведениях фантастов чаще всего косвенно, сим-

волически. По большей части и сами духовные образы появляются на страницах фантастических книг как бы бессознательно, помимо воли автора. Полагаю, что такова специфика жанра, рожденного в эпоху яростного восстания мирской культуры против церковной. Выступая в качестве передового рубежа этой борьбы на стороне позитивизма, в силу не прямой логики бытия эта литература в конце концов пришла к тому, что выражала многие идеи, против которых сражалась, но в символической, образной форме.

Проза русского писателя и поэта Вадима Сергеевича Шефнера (1915–2002) стоит особняком среди отечественных и зарубежных фантастических произведений. Можно с известной степенью уверенности сказать, что духовно-нравственная проблематика выражалась в его романах и рассказах не косвенно и не «бессознательно», как у большинства фантастов, а сознательно и целенаправленно.

Шефнер тоже говорит о духовной действительности эзоповым языком, при помощи иносказаний. В форме, языке, сюжетах его сказочных произведений легко разглядеть притчу. Притчевость сообщения всячески подчеркивается автором. Само название его фантастического цикла – «Сказки для умных» – свидетельствует об этом. Оно восходит к известной поговорке «Сказка ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Однако, как водится, урок В.С. Шефнера практически не был воспринят ни современниками писателя, ни тем более следующими поколениями, хотя книги его время от времени переиздаются. Однажды мне довелось даже про-

честь высказывание критика, в котором Шефнера признавали выдающимся стилистом, мастером слова, но отказывали его произведениям в значимом содержании. За иронической формой повестей и рассказов Шефнера читатель часто не видит глубины конфликтов и величия всепримиряющей силы, действующей в каждом произведении писателя.

Шефнер редко позволяет себе прямые философские или нравственные высказывания. Герои его являются современными Иванушками-дурачками, которые все делают не так, как надо («как принято»), но в конце концов получают награду за свои труды, и прежде всего за бескорыстие и доброту. Естественно, что господствующая сегодня в мире идеология «американской мечты», согласно которой человек должен добывать свое счастье своими силами, ни у кого ничего не просить и не ждать милости от небес, делает сказки Шефнера почти недоступными современному читателю. «Маленький человек» с чистой душой, главный герой прозаических произведений В.С.Шефнера, никоим образом не пересекается с героем нашего времени, ищущим в жизни только физиологических или интеллектуальных удовольствий. Серьезным препятствием на пути к читателю является и обстановка, в которой действуют персонажи его фантастических произведений, земляне и инопланетяне – Шефнер описывает чаще всего годы своего детства, послереволюционные и довоенные десятилетия или 60-е и 70-е годы двадцатого века. Действие происходит в коммунальных квартирах, в детских домах и дворах-колодцах, на неказистых дачах в комариной глуши. Профессии для героев он выбирает самые не престижные – на страницах «Сказок для умных» прожигают преимущественно счетоводы, продавцы из табачных киосков, графоманы, начинающие журналисты, пенсионеры, инвалиды, а чаще всего «юродивые», городские сумасшедшие. Если Шефнер описывает будущее – то и тогда его персонажем станет скорее всего неудачник, маргинальная личность или скромный (даже подчеркнуто бездарный) труженик науки. Часто Шефнер засылает в будущее или сталкивается с инопланетянами людей с какими-то мучительными для них недостатками – например, болезненно переживающий свою врожденную трусость Серафим Пятизайцев (повесть «Небесный подкидыш, или Исповедь трусоватого храбреца») отправляется на другую планету, чтобы научиться храбрости.

Вообще, «средний человек» для жанра не новость. Напротив, это типичный для НФ («научной фантастики») герой. Наряду с романтическими ге-

роями, обыватели действуют в романах Жюль Верна (обывательскую философию выражают, например, слуги главных героев в «20 000 лье под водой» и «80 дней вокруг света»). Низший слой среднего класса (клерков) постоянно описывает Герберт Уэллс. Упрощенными и примитивными выглядят персонажи советской фантастики начала и середины XX века. Однако маленького человека Шефнера отличает от распространенного в фантастике типа несколько важных качеств. Клерки Герберта Уэллса если и страдали, то исключительно от своего социального и материального положения – они хотели бы жить богаче и комфортнее, но сами себя как личности они вполне устраивали. То же самое можно сказать о «людях-формулах» (абстрактных рабочих, ученых, военных) в ранней советской фантастике или в американских космических операх.

Совсем другое дело – маргинальный герой Шефнера. Как раз своим материальным и социальным положением он по большей части доволен. Ему большего и не надо. Он не мечтает владеть всем золотом мира или всеми красавицами вселенной. Если он и мечтает о красавице, то только об одной. Но он понимает, что недостойн ее. Чтобы добиться своего скромного счастья, шефнеровский персонаж идет раз за разом на новые жертвы, цель которых – перемена участи или выправление собственных недостатков. Ошибки, сделанные героем в начале повествования (иногда даже невольно), требуют искупления. Как правило, собственных сил героя недостаточно не только для того, чтобы исправить промахи или чего-то добиться, но и просто для продолжения существования. Каждую минуту он оказывается на грани смерти. Его преследуют болезни, нищета, его обманывают, обсчитывают и третируют. Но герой все же и не рассчитывает на свои силы. Он делает то, что подсказывает ему сердце, а в остальном полагается на судьбу. И, как правило, в конце концов мечта героя самым неожиданным образом осуществляется. Своей заслуги он в этом не видит.

Мир произведений Шефнера наполнен изобретателями, мечтающими создать нечто небывалое – рог изобилия, машину времени, вечные сапоги. Однако изобретатели Шефнера ничуть не похожи на мрачных ученых западной и отчасти отечественной НФ. Герой классической западной НФ – изобретатель-одиночка, который вопреки воле окружающих людей создает прибор, позволяющий ему приобрести власть над людьми. Шефнеровский изобретатель тоже одиночка. Но если Человек-невидимка Уэллса сам бежит от людей из-за своего высокомерия, то изобретатель у Шефнера, напротив, тянется к людям, зазывает к себе гостей, дарит направо и налево свои изобретения. И не его вина, что люди от

него отворачиваются. Впрочем, Шефнер не винит и недовольных соседей, и коллег творцов-самоучек. Они лишь выполняют свои литературные обязанности – в меру травить и шельмовать творческую личность. Без этого изобретатель не смог бы сделаться положительным героем, не смог бы заслужить финального счастья, потому что главные характеристики положительного шефнеровского героя – терпение, смирение и умение довольствоваться своим положением. И чем удивительнее, глобальнее изобретение – тем скромнее выглядит его создатель. Вероятно, Шефнер чувствовал здесь безусловную причинную связь. И наоборот, чем громче заявляет о себе ученый или псевдоизобретатель – тем ничтожнее плоды его труда. Таков Виктор, старший брат главного героя повести «Человек с пятью «не» Стефана. Перспективный Виктор шлет своим родителям письма следующего содержания:

*«Гражданину Петру Прохоровичу
Гражданке Марии Владимировне.*

Настоящим заявляю и удостоверяю свое почтение почтенным родителям и имею намерение сообщить, что благополучно намерен поступить старшим лаборантом-энергетиком в Научный Институт Физиологии и Филологии, где намерен круто продвигаться по научной лестнице и где с моим участием будет крупно протекать и провертываться научная работа.

Во второй части своей заявы хочу заявить, что гибридизация и синхронизация в условиях урбанизации и полимеризации требуют аморализации и мелиорации, в связи с чем прошу срочно откликнуться переводом в 50 (пятьдесят) рублей на 86 почт. отд. до востреб.

Ваш талантливый сын – Виктор».

Любопытно, что окончивший только 8 классов Виктор к концу повести все же добивается материального успеха и даже делает научную карьеру благодаря женитьбе на глухонемой дочери известного академика. Но успешность Виктора абсолютно мнимая, мы видим это по описанию его «научного» быта. Напротив, его брат Степан изначально благословлен, хотя этого не понимает. Благословение это выражается в имени, которым его нарекает любящий его отец. Если «Виктор» значит «победитель», то есть «покоряющий», «подчиняющий себе», то имя незадачливого, ничтожного Степана значит «увенчанный венком». Причем отец героя настаивает на церковнославянском написании этого имени – «Стефан»: «У отца для меня было припасено имя Леонид, что значит «подобный льву», но никакого, ни морального, ни физического, сходства со львом у меня при рождении не обнаружилось. Я только все время хворал, пищал, и вообще было неизвест-

но, выживу я или нет. Поэтому отец постановил окрестить меня Стефаном. Так и было сделано, причем попу пришлось дать взятку за букву «ф», ибо Стефан – имя иностранное. Отец, проявляя заботу обо мне, рассуждал так: если младший сын умрет в младенчестве, то все-таки не простым человеком, а уже увенчанным венком. Если же я выживу, то в дальнейшем это имя будет утешать меня в жизненных водоворотах и неудобствах». Обратите внимание, как Шефнер маскирует «церковность» имени своего героя, возможно, заигрывая с советской цензурой. Ясно, что крестить главного героя повести должны были именно церковнославянским именем «Стефан», а «взятку» пришлось бы давать за «Степана». Шефнер устраивает занимательный перевертыш для просвещенного читателя. Однако читатель незнающий мог воспринимать передаваемый автором смысл только символически – сам герой и его имя было настолько «завалющим», что не соответствовало никакому «официозу», даже церковному. Но именно никчемность героя, как выясняется в дальнейшем, и была его главным достоинством. Он оказался тем самым гонимым и кротким, который наследовал землю.

Роман В. Шефнера «Лачуга должника» (1979–1981) – наиболее значительное произведение цикла «Сказки для умных» как по объему, так и по заключенной в нем этико-философской проблематике. Главный герой романа, Павел Белобрысов, в раннем детстве по неосторожности стал виновником смерти своего брата Петра. Всю фантастически долгую жизнь (которой суждено было длиться вечно, поскольку он выпил в юности эликсир бессмертия – подарок инопланетян) он мучился своей невольной виной. И собственное физическое бессмертие он воспринимал с одной стороны как наказание, с другой – как шанс в бесконечности времени и пространства встретить когда-то родного брата. Дожив до эры межзвездных полетов, Белобрысов ухватывается за последний шанс – принять участие в экспедиции к физически зеркальной нашей Земле планете Ялмез. На «зеркальной планете», надеется Белобрысов, «не Павел убил Петра, а Петр Павла». Там, обещает автор Белобрысову, «вы пожмете друг другу руки и отпустите друг другу невольные грехи ваши...».

Как уже сказано, Шефнер сознательно уклоняется от прямого высказывания, предпочитая притчу и иносказание. Только в особых случаях В.С. Шефнер обращается к читателю прямо. Делает он это в романе «Лачуга должника» крайне оригинальным образом. Шефнер вводит себя в качестве персонажа в собственное произведение (о «поэте Вадиме Шефнере» автор говорит в третьем лице еще в не-

которых своих сказках). Этот специфический прием позволяет нам как бы удалиться от эгоцентрической авторской точки зрения и увидеть самого писателя не в качестве субъекта, а в качестве объекта действия. Возникает эффект, схожий с действием «обратной перспективы» в иконописи – автор оказывается не снаружи, а внутри книги. Линии взглядов сходятся не так, как принято в литературе, а наоборот. Не автор смотрит на событие сверху вниз, а кто-то другой смотрит на автора. Не он рассказывает, а о нем рассказывает Некто. Но кто же тогда подлинный, действительный творец всего сущего, в том числе и самого автора?

Ясного ответа на этот вопрос писатель не дает. В сцене, где к автору приходит в гости его персонаж Павел Белобрысов, находим, в частности, такой диалог:

«– Вы что, в Бога, что ли, верите, Вадим Сергеевич?! В рай небесный верите?!

– Я верю во множественность миров, – строго ответил Шефнер».¹

Строгость интонации, однако, может скрывать множество сомнений. Сам характер обещаний, данных Павлу Белобрысову («вы пожмете друг другу руки и отпустите невольные грехи ваши») уже рисует в сознании читателя картины райской жизни в самом традиционном, и даже народном, укорененном в сознании поколений и в отечественной литературе виде. А в рамках нашей темы необходимо отметить, что своим «строгим» ответом писатель не только уводит тему из-под взгляда советской цензуры, но и возвращает Павла Белобрысова от нашей земной реальности к символике фантастического повествования. Ведь этот важный диалог уравнивает «множественность миров» и «небесный рай». Следовательно, «множественность миров» и символизирует небесный рай, выступает как иносказание духовного небесного пространства. Что дело обстоит именно так, доказывает цель, которая руководит Павлом Белобрысовым в его стремлении к небесам. Полет в космос нужен ему только для того, чтобы искупить детский грех.

Никакого рая на планете Ялмез Белобрысов, однако, не находит. Он обнаруживает там жалких гуманоидов, запуганных чудовищными существами – «воттактаками», которые являлись телесно воплощенными болезнями. Спасая одного из аборигенов от нападения «воттактака», Павел умирает, и последние его слова были – «живи, Петя!». Ясно, что герой, а с ним и автор, воспринимают жертву, принесенную Белобрысовым на другой планете, как настоящее искупление греха. Характерно также, что сердцевина романа о будущем – это исповедь Павла Белобрысова, рассказ о прошлом.

Конечно, любой монолог героя в фигуральном смысле можно назвать «исповедью». Но в «Лачуге должника» исповедь героя слишком напоминает церковное таинство. Безусловно, это только его символ, отдаленное научно-фантастическое подобие, однако каждый элемент обстановки, в которой она проходит, детали описания говорят о покаянном смысле многостраничного монолога (который, кстати говоря, оканчивается незадолго до прибытия на планету Ялмез, где героя ждет искупительная смерть).

Белобрысов беседует со своим доверенным другом, героем-рассказчиком Степаном Кортиковым, с глазу на глаз в особом помещении космического корабля, где участники полета должны были по очереди держать четырехчасовую вахту. «Целевое назначение этого дежурства было неясно, – сообщает автор. – Возникни на пути следования что-либо непредвиденное – это бы задолго до вахтенных засеки ромбоидные альфатонные искатели и иные средства слежения и наведения».

Итак, писатель иронически намекает нам, что визуальное наблюдение в «пенале» на носу звездолета – лишь дань научно-фантастическому антуражу. Читателю следует осознать, что герои находятся там с какой-то другой целью.

«Некоторые утверждали, – пишет Шефнер дальше, – что Терентьев (командир экспедиции. – **С.И.**) ввел вахту для того, чтобы мы все ощутили величие космического пространства». Однако космическое пространство в отечественной научной фантастике практически всегда выступает в качестве символа, причем за этим символом, как правило, скрывается само Провидение, Творец и Держатель мира.

Описание кабины дежурных тоже пробуждает почти церковные ассоциации:

«Перед каждым был пюпитр со светящейся курсовой схемой и двумя клавишами; на зеленую полагалось нажимать каждые десять минут, на красную следовало нажать в случае появления в окружающем пространстве чего-либо неожиданного. Здесь стояла полная тишина. От курсового табло исходил неяркий фосфорический свет, а за прозрачной броней «пенала» простиралась тьма, черное ничто, кое-где пронизанное звездами. Привыкнуть к этому нельзя. Каждый раз, приняв вахту, мы с Павлом несколько минут молчали, подавленные и ошеломленные». Интересно, что первое шуточное четверостишие, которое сочиняется у Павла Белобрысова (среди прочих своих профессий имевшего и поэтическую) в этой кабине, посвящено смерти, и в нем фигурируют «ад» и «рай». Кто

¹ В. Шефнер. Лачуга должника. СПб., 1995. С. 142.

знает, не отразились ли в описании погруженного в тишину «пенала», в котором космонавтов охватывает чувство космического величия и пробуждается желание рассказать о своей внутренней жизни, детские воспоминания писателя о посещении с мамой какой-нибудь петроградской церкви, а может, и первая детская исповедь?

Вообще, данный роман Шефнера – одно из немногих произведений советской литературы, где прямо употребляется слово «грех» в его настоящем христианском смысле. Более того, этим словом и этой темой роман открывается. Правда, дано оно поначалу в сочиненном писателем якобы древнем тексте, фрагменте некоей «алантейской стелы», и содержится не в основном тексте, а в эпиграфе:

«Ответь, путник: виновен ли невинный? Грешен ли не замышлявший зла, но причинивший зло?»

Можно предположить, что автор поместил ключевое для романа слово в выдуманную древнюю надпись с целью конспирации, ради цензурных соображений. Такое предположение, наверное, имеет под собой реальную почву. Кроме того, наверняка имела место инстинктивная самоцензура. Говорить прямо о духовных категориях не только запрещалось, но и не было принято. Однако главная причина такого камуфляжа – это природа самого фантастического жанра. В романе тема греха и искупления будет излагаться в основном символически, метафорически, и важно было в самом начале задать этот метафорический тон через фантастический эпиграф.

Наконец, поражает само название наиболее важного для писателя фантастического романа – «Лачуга должника». Христианин сразу вспомнит нашу главную молитву, данную нам самим Спасителем: «и остави нам долги наши, якоже и мы оставляем должникам нашим». Именно «должником» в духов-

ном смысле ощущает себя главный герой романа, и летит на Ялмез он с единственной целью – чтобы долг по отношению к брату и ко всему человечеству, перед которым он ощущает себя виновным за свое бессмертие, был оставлен.

Судя по поздним интервью, В.С. Шефнер в конце своей долгой жизни размышлял о церковности и вере. Он рассказывал и писал о своих предках, отдельно подчеркивая, что среди них были люди разного вероисповедания. Его мать, шведка по происхождению, была лютеранского вероисповедания, отец – православного. Из рассказов Вадима Сергеевича мы также знаем, что мать писателя, несмотря на принадлежность к лютеранской церкви, больше любила православную службу и водила маленького сына в русские храмы. Несомненно, Вадим Сергеевич, родившийся в 1915 году, был крещен. Но в условиях советской литературы, в которой В. Шефнер работал начиная с 30-х годов, присущая ему внутренняя, наследственная религиозность могла проявляться только символически: в поэзии благодаря метафорам, в области прозы в виде притч и сказок.

Поэтический и биографический (военный) опыт, воспитание (в том числе армейские и флотские деяния отца и дедов), религиозность предков научили Шефнера видеть в человеке не центр мироздания, не «пуп земли» (в «Лачуге должника» есть сатирически изображенный персонаж-ученый по прозвищу Благопуп, который как раз и создал «воттактаков», практически уничтоживших население Ялмеза), а нечто гораздо большее и в то же время меньшее. Человеческая жизнь видится Шефнеру не чередой удовольствий, но и не бессмысленной трагедией, а сложным испытанием, результат которого зависит как от действий самого человека, так и от не зависящей от человека и подчас непостижимой воли (и милости) небес. □

Сергей Иванович ИВАНОВ –

детский писатель, радиодраматург, журналист.

Родился в 1968 году в Ленинградской области.

Печатался в журналах «Костёр», «Пионер», «Чиж и Ёж», «Детская роман-газета», «Вездепрыг», «Врата небесные», «Урал», «Нева» и других, в «Литературной газете».

Автор многочисленных спектаклей и передач для детей на «Радио России».

Автор книг «Словарик Смешарик» (в соавт.) и «Святые православия».

Лауреат фестивалей «СеЗаМ-2003» (Санкт-Петербург)

и «Дар-2011» (Екатеринбург).

Живёт в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

